

6. Ивич А. Воспитание поколений : о советской литературе для детей. 4-е изд. М. : Дет. лит., 1969.
7. Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи [Электронный ресурс]. М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1935. URL : <http://www.lihachev.ru>.
8. Пантелеев Л.И. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2: «Республика Шкид». Шкидские рассказы. Рассказы для маленьких. Л. : Дет. лит., 1970.
9. Пантелеев Л.И. Верую...: последние повести. Л. : Сов. писатель, 1991.
10. Пантелеев Л.И. О маленьких и больших: рассказы. Литературные портреты. Публицистика. Л. : Дет. лит., 1979.
11. Приточник Евангельский, или Изъяснение притчей. 2-е изд. М. : Синодальная типография, 1882.
12. Путилова Е.О. ...Началось в республике Шкид: очерк жизни и творчества Л. Пантелеева. Л. : Дет. лит., 1986.
13. Универсальный энциклопедический словарь. М. : Большая рос. энцикл., 2000.
14. Флоренский П.А. Собрание сочинений: [в 2 т.]. Т. 2: У водоразделов мысли. М. : Правда, 1990.
15. Этика : энцикл. словарь / под общ. ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2001.

* * *

1. Gabdullina V.I. Motiv bludnogo syina v proizvedeniyah F.M. Dostoevskogo i I.S. Turgeneva : ucheb. posobie. Barnaul : Izd-vo BGPU, 2006.
2. Goldenberg A.H. Arhetipyi v poetike N.V. Gogolya : monogr. Volgograd : Izd-vo VGPU «Peremena», 2007.
3. Dolzhenko L.V. Ratsionalnoe i emotsionalnoe v russkoy detskoj literature 50 – 80 godov XX v. (N.N. Nosov, V.Yu. Dragunskiy, V.P. Krapivin): monogr. Volgograd : Izd-vo VGPU «Peremena», 2001.
4. Evangelskiy tekst v russkoy literature XVIII – XX vekov : tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr : sb. nauch. tr. Petrozavodsk : Izd-vo Petrozavod. un-ta, 1994.
5. Esaulov I.A. Kategoriya sobornosti v russkoy literature. Petrozavodsk : Izd-vo Petrozavod. un-ta, 1995.
6. Ivich A. Vospitanie pokoleniy : o sovetskoi literature dlya detey. 4-е изд. М. : Дет. лит., 1969.
7. Lihachev D.S. Chertyi pervobyitnogo primitivizma vorovskoy rechi [Elektronnyiy resurs]. М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1935. URL : <http://www.lihachev.ru>.
8. Panteleev L.I. Sbranie sochineniy : v 4 t. Т. 2: «Respublika Shkid». Shkidskie rasskazyi. Rasskazyi dlya malenkih. L. : Det. lit., 1970.
9. Panteleev L.I. Veruyu...: poslednie povesti. L. : Sov. pisatel, 1991.
10. Panteleev L.I. O malenkih i bolshih: rasskazyi. Literaturnye portretyi. Publitsistika. L. : Det. lit., 1979.
11. Pritochnik Evangelskiy, ili Iz'yasnenie pritchey. 2-е изд. М. : Sinodalnaya tipografiya, 1882.

12. Putilova E.O. ...Nachalos v respublike Shkid: ocherk zhizni i tvorchestva L. Panteleeva. L. : Det. lit., 1986.
13. Universalnyiy entsiklopedicheskiy slovar. М. : Bolshaya ros. entsykl., 2000.
14. Florenskiy P.A. Sbranie sochineniy: [v 2 t.]. Т. 2: U vodorazdelov myisli. М. : Pravda, 1990.
15. Etika : entsykl. slovar / pod obsch. red. R.G. Apresyana, A.A. Guseynova. М. : Gardariki, 2001.

Image of “prodigal son” in the works by L. Panteleev about homeless children

There is considered the reflection of the archetype “prodigal son” in the works by L. Panteleev about homeless children. There is shown how the heroes, like the evangelical prodigal son, coming across the sequence of ordeals and mistakes, gradually approach the heavenly fair prototype, returning to the social and moral standard.

Key words: *archetype, parable, sin, repentance, sobornost.*

(Статья поступила в редакцию 30.12.2013)

Л.С. ШКУРАТ
(Липецк)

ОБРАЗ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РОМАНА «БЕЗ МИЛОСЕРДИЯ» В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ХАРАКТЕРОЛОГИИ Ю.В. БОНДАРЕВА

Анализируется роман Ю.В. Бондарева «Без милосердия» в аспекте типологичной для всей прозы писателя проблемы нравственного выбора человека. Акцентируется внимание на духовной эволюции главного героя произведения, нравственные искания которого вписываются в контекст бондаревской литературной характерологии.

Ключевые слова: *проза Ю.В. Бондарева, роман «Без милосердия», литературный контекст, характерология, духовные искания, нравственный выбор.*

Роман «Без милосердия» – это последнее крупное прозаическое произведение Ю.В. Бондарева, опубликованное в начале XXI в. По замечанию исследователя В.А. Гаврилова, автора едва ли не единственной на се-

годняшний момент научной статьи о романе «Без милосердия», «приверженность традициям и их циничское ниспровержение является одной из осевых линий, вокруг которых разворачивается логика и эстетика бондаревского произведения» [2, с. 450]. Это положение становится отправной точкой размышлений В.А. Гаврилова о новом романе Ю.В. Бондарева. В своей работе критик сосредоточивает внимание на полемических диалогах персонажей и конфликте между «граждански ответственными» героями и людьми «рыночного типа, которые <...> не следуют традиционным моральным императивам» [Там же]. В статье В.А. Гаврилова сделано много интересных наблюдений, однако достаточно подробно рассмотренная исследователем «напряженная полемика» между действующими лицами романа, оставаясь существенным звеном произведения, в то же время не исчерпывает его проблематики.

В данной статье мы проанализируем роман «Без милосердия» в аспекте особенностей разрешения в нем типологичной для всей прозы Ю.В. Бондарева проблемы нравственного выбора человека. Мы считаем анализ произведения под названным углом зрения наиболее перспективным, поскольку именно он позволяет не только проследить духовную эволюцию главного героя романа, но и вписать его нравственные искания в контекст бондаревской литературной характеристики, в которой в начале XXI в. наметились новые повороты и существенные изменения.

В романе «Без милосердия» автор вновь обращается к судьбе и духовно-нравственному выбору одного из лучших представителей русской интеллигенции, драматурга Дмитрия Максимова. Неослабевающий интерес Ю.В. Бондарева к сфере творческой интеллигенции объясняется, надо полагать, вовсе не тем, что писатель знает ее лучше, чем какую-либо иную среду. «Художник, – сказал в одном из своих интервью Ю.В. Бондарев, – это индивидуум, обостренно чувствующий внешние и глубинные проявления окружающей его жизни» [6, с. 226]. По мнению прозаика, именно мир души художника (в широком смысле этого слова) способен наиболее ярко и отчетливо отразить главные противоречия современного бытия.

Можно с уверенностью утверждать, что герой романа «Без милосердия» Дмитрий Максимов – это «духовный сын» главных героев философских романов Ю.В. Бондарева второй половины XX в. Максимова роднит с

ними внутренняя тревога и неуспокоенность совести. Он младше своих «предшественников» по возрасту, но так же, как и писатель Владимир Никитин («Берег»), художник Владимир Васильев («Выбор»), кинорежиссер Вячеслав Крымов («Игра»), ученый-эколог Игорь Дроздов («Искушение»), художник Егор Демидов и его внук, журналист Андрей Демидов («Бермудский треугольник»), драматург Дмитрий Максимов стремится к самопознанию и постижению мира, живет болью и страданиями своего Отечества.

Ю.В. Бондарев, безусловно, симпатизирует своему герою, наполняет его жизнь отдельными штрихами собственной биографии, особенно дорогими автору, знаковыми для него. К примеру, рассказывая о своих детских годах, Максимов называет себя *заядлым голубятником, бывшим школьным хулиганом* [1, с. 176], при этом писавшим лучшие сочинения во всей школе. Есть в романе близкие авторским воспоминания героя о первых шагах в литературе, о непростых отношениях с критикой, которая сразу закрепила за ним и его произведениями ставшие расхожими выражения: *проснулся знаменитым, вскакал в литературу на резвом коне* [Там же, с. 86], *реализм, убивающий правду* (так называлась «разгромная» статья-рецензия на повесть Ю.В. Бондарева «Батальоны просят огня» [3]).

Практически совпадает и круг чтения Ю.В. Бондарева и его героя, комната которого *походила на забитую книгами библиотеку* [1, с. 78]: среди своих любимых авторов Максимов называет имена Льва Толстого, Михаила Шолохова, Джека Лондона, Оскара Уайльда. По словам литературоведа Ю.М. Лотмана, «книги – обязательный признак Дома, они подразумевают не только духовность, но и особую атмосферу интеллектуального уюта» [5, с. 41]. Трепетное отношение к книгам отличает и некоторых других персонажей бондаревского романа. Так, о друге Максимова аспиранте Алексанкине говорится, что он начитанный человек, *ходячая энциклопедия, книжник и цитатник* [Там же, с. 64]. Известный прозаик Кудрин, вернувшийся в столицу из лагеря, где провел десять лет по ложному обвинению в контрреволюционной пропаганде, первым делом *с неистовой жадностью* стал собирать заметно поредевшую в его отсутствие домашнюю библиотеку. Не случаен, на наш взгляд, и тот факт, что возлюбленная Максимова, Марина, девушка из обеспеченной семьи, выбрала для себя непопулярную у молодежи профессию – она служит библиографом в Госу-

дарственной Ленинской библиотеке и мечтает написать научную работу. Впрочем, Ю.В. Бондарев чутко фиксирует в романе то обстоятельство, что позиция вышеупомянутых героев скорее представляет исключение из общих правил, стремительно распространяющихся в современном обществе, где философия потребления и культ материальных благ зачастую диктуют свои законы, ложные теории о смысле и образе жизни.

Мысль о бездуховности, «маскарадности» современного мира, появившаяся в прозе Ю.В. Бондарева во второй половине XX в., в романе «Без милосердия» получает свое дальнейшее углубление и развитие. Максимов, несколько лет проведший в тайге, вдали от городов, приехав в Москву, не узнал этот старый город *сорока сороков*, ныне *блистающий заемной искусственной красотой*, <...> *словно наряженный в чужие, взятые напрокат, дорогие костюмы, буйно веселящийся и днем и ночью, упоенно существующий в каком-то нескончаемо-постоянном и вместе игрушечно-легкомысленном празднике* [1, с. 134]. Герой задыхается в столичной *перенаселенной пустыне*, где царят хаос и всеобщее сумасшествие, которые вызывают у Максимова ассоциации с *пиром во время чумы*. Не только Москва, но и вся Россия названа автором *огромным вавилонским пространством*, миром без милосердия.

Дмитрий Максимов убежден, что современный мир – это мир непомерной человеческой жестокости и нравственной глухоты. Режиссер молодежного театра Пятаков предлагает ему написать пьесу, главный герой которой одержим сумасшедшей идеей взорвать Луну и этим поступком устроить человечество. Режиссер не понимает, почему молодой драматург отказывается начинать работу над пьесой. Сарказм Пятакова разрушителен. Максимов тоже замечает несовершенство мира, но он мыслит иначе, так определяя свою жизненную позицию: *Я пессимист, но с качеством надежды* [Там же, с. 123]. Герой не испугается испортить отношения с известным режиссером и с откровенностью скажет ему: *Хватит добивать Россию! Хватит, хватит, наконец! Русский мазохизм – бить по своим! По России! А это – храбрость гиен! Писать пьесу с храбростью гиен я не буду!* [Там же, с. 122].

Современность, которая определена в романе как *эпоха безвременья*, не вызывает у Дмитрия Максимова и его друзей радужных мыслей: *Какая пакость везде и всюду, похабное бесовство обыностранивания страны под*

видом так называемой рыночной перестройки! <...> *Закрыли почти все военные заводы и не скрываем, что у нас после всех реформ и манипуляций с народом неисчислимое количество безработных, четыре миллиона беспризорных* <...> *колхозы развалены, агрокомплексы тоже, поля в чертополохе* [Там же, с. 52–53]. Они уверены, что мир движется от плохого к худшему, что *в разбитые окна России дует могильным холодом* [Там же, с. 49], и неизбежно задаются вопросом: *кто виноват в случившемся?*

Изображая споры героев, Ю.В. Бондарев явно дает понять читателю, что в мыслях интеллигентов – *кавардак и путаница* [Там же, с. 55]. Одни (поэт Мокрушин) обвиняют народ в долготерпении, которое считают синонимом трусости и безволия, и истерично признаются в том, что стыдятся своей принадлежности к русской нации. Другие (актер Ярцев, прозаик Кудрин) полагают, что интеллигенция сама совершила предательство по отношению к народу, *изболталась в пустопорожней говорильне* [1, с. 201], сделав иронию основным средством самозащиты от драматических противоречий, которыми насыщена действительность. Третьи (среди них и Максимов) в минуты безудержного гнева не отрицают возможности новой гражданской войны и призывают оказывать активное сопротивление всем, кто участвует в уничтожении России. Правда, немного позже Максимов, как бы очнувшись, начинает упрекать себя в подобных лозунгах, понимая опасность их последствий. *А я-то могу ли быть судьей? Имею ли право?..* – спрашивает он себя, сомневаясь в правоте собственных суждений [Там же, с. 140]. Эта перефразированная главным героем евангельская заповедь («Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7:1)) появляется в прозе Ю.В. Бондарева двух последних десятилетий впервые и сближает мышления Максимова с основным вектором духовных исканий его «старших предшественников» Васильева и Крымова, в то же время отдаляя его от бескомпромиссных в своих поступках героев бондаревских романов рубежа веков.

Полемика героев в романе «Без милосердия» не приближает их к истине, поскольку, по мысли писателя, выход из тупика возможен только в том случае, если сосредоточиться не на поиске виноватых в трагедии, а на внутренних причинах бедствий, выпавших на долю страны. В этом плане показателен диалог двух персонажей, которые лично не встречаются в романе, более того, они

даже не знают о существовании друг друга, и в то же время именно между ними происходит «духовный диалог», преодолевающий пространственно-временные границы и препятствия. Сокрушаясь о том, что *вокруг происходит*, тетя Дмитрия, Анастасия Федоровна, восклицает: «*В чем провинилась Россия? В чем мы виноваты?*» – на что Максимов отвечает ей: «*Бог медлит правосудие, но в конце концов совершает его*» [1, с. 154]. Таким образом, герой опять говорит не о причинах, а о возможном разрешении назревшего в мире конфликта путем вмешательства в земную жизнь человека божественных сил. Однако для него Бог – в первую очередь карающий Судия, и от этих слов племянника Анастасии Федоровне становится страшно.

Истинный ответ на ее вопрос дает безымянная героиня, сказавшая: «*Через край много желали: <...> затосковали миллиончиками быть, каждый захотел на диване валяться и рот раскрывать, чтоб пирожные в зубы летели, а получили грязный козлиный хвост. Поэту нам в наказание путь к любви долгенький будет. Какой любви? Любви Бога*» [1, с. 207]. Героиня не названа по имени, и это позволяет нам предположить, что ее слова – это выражение народного мнения о сути происходящего. Не случайно она употребляет неопределенно-личное *желали, затосковали, получили* и слово, имеющее обобщенный смысл, – *каждый*, тем самым не связывая причины посланных Богом испытаний с грехами отдельных групп людей, будь то представители народа, интеллигенции или политические деятели, а признавая вину всех (в том числе и собственную вину – *нам в наказание*) в случившемся.

Существенно важна еще одна мысль, имплицитно присутствующая в словах героини: *много желали*, а не получили ничего, но это «ничего» заменено метким выражением, имеющим резко негативные коннотации, – *получили грязный козлиный хвост*. Атрибут черта – козлиный хвост – свидетельство того, что Россия наказана свыше не только за грехи стяжательства (*затосковали миллиончиками быть*) и лени (*каждый захотел на диване валяться*), но и за вероотступничество. Однако наказание – это не кара, посланная ветхозаветным Богом человечеству, а его долгий, тернистый путь к Творцу, который через искреннее покаяние грешников будет увенчан их прощением и возвращением к Божественной Любви. И главному герою романа «Без милосердия» предстоит сделать свой духовный выбор, пройти этот не-

легкий путь, который ему будет освещать чувство любви.

Несомненно значимым, по нашему мнению, является тот момент, что роман открывается не пространными монологами персонажей о современном состоянии мира, не их спорами о судьбе России и будущем русского народа, а случайным знакомством Максимова с Мариной, которое герой воспринимает как *божественное провидение*, подарок судьбы. До встречи с Мариной Дмитрий не раз пытался убедить себя в том, что он нечувствителен к красоте женщины, относя эту слабость к сентиментальности. Однако мужская воля и сентиментальность – противоположные качества, жизнь без которых, по мысли Ю.В. Бондарева, невозможна.

Любовь поразила героя, как *солнечный удар*. В душе Марины чувство зреет постепенно. Изначально оно родилось из признательности за доброту Максимова, из благодарности за его душевное участие и искреннюю помощь. Примечательно, что Дмитрий и Марина не просто хотят быть вместе, они мечтают создать семью, пожениться. В их любви Ю.В. Бондаревым выделяется не плотское, а духовное начало, которое всегда составляло ядро отношений главных героев повестей и романов писателя. К примеру, в указанном ключе изображается автором зарождение любви между Зоей Елагиной и лейтенантом Кузнецовым («Горячий снег»), развитие отношений Эммы Герберт и Никитина («Берег») и др. (подробно об этом см.: [7, с. 24; 8]).

Дмитрий Максимов испытывает сострадание при виде мучений своей любимой, желание защитить, оградить ее от опасности. В связи с образом Марины в ассоциативной памяти героя возникает эпизод, произошедший с ним однажды в тайге, где Максимов стал свидетелем убийства лосенка: *Лосенок, безучастно опустив голову, в которой было что-то детское, незащитное, стоял на коленях в луже крови, и крупные слезы скатывались из его глаз. Лосенок плакал, как плачет ребенок, то ли от боли, то ли от непонимания, что с ним случилось и почему на помощь не приходила мать, за которой он только что, подчиняясь ей, бежал на тонких ножках* [1, с. 128]. Стилистика этого отрывка – уменьшительные суффиксы, сравнения, изображающие агонию незащитного природного существа, – делает эпизод символическим. Автор отмечает, что Максиму свойственно сострадание, осознание чужой боли как своей – чувства, делающие

его духовно близким главным героям романов Ю.В. Бондарева 1970–1980-х гг.

Насилие, совершившееся в природном мире, сказывается на человеческих взаимоотношениях, проецируется на них. Еще при первой встрече с Дмитрием Марина шутливым тоном говорит, что хотела бы дожить до возраста древней старушки, но становится жертвой своего дальнего родственника Виталия, ослепленного ревностью. С гибелью Марины из жизни Максимова уходит все: он отгораживается от остального мира, замыкаясь в своем горе. Ощущение непоправимости случившегося, горечь утраты возлюбленной отнимают у героя желание жить. В минуты отчаяния у Дмитрия возникают мысли о самоубийстве, но он преодолевает это дьявольское искушение.

Максимов считает невозможным для себя возвращение к прежнему образу жизни. Придя через несколько месяцев после трагедии в писательский клуб, он чувствует себя посторонним среди *нереального веселья*, господствующего в ресторане. Отчуждение героя от всего, что совсем недавно было ему близко, подчеркивает особый образом организованное пространство эпилога романа. Оказавшись в клубе писателей, Дмитрий не заглянул в зал заседаний, *избегая возможной скуки сотни раз слышанных фраз, а неизвестно зачем поднялся на второй этаж в библиотеку, улыбнулся, как старым знакомым, оглядев привычно полки* [1, с. 192]. Символично, что он поднялся в библиотеку, сокровищницу мировой литературы, *неизвестно зачем*, т.е. не имея какой-то определенной цели, и вместе с тем интуитивно испытывая потребность соприкоснуться с вечным. Затем Максимов спускается в зал ресторана, но остается на лестнице, отгороженный от *разнородного хаоса толпы* [Там же] ее перилами. Так создается эффект театрального зрелища, в котором герой изображен как сторонний наблюдатель. Дмитрий слышит споры своих коллег о современном кинематографе, литературе, русском языке, который *превращается в мусор*, и чувствует усталость от их *умных разговоров*, кажущихся ему пустыми и ненужными. Максимов признается друзьям, что после гибели Марины он утратил смысл своего дальнейшего существования и ненавидит весь мир. Однако, как верно заметил один из персонажей романа, ненависть не поможет найти выход из создавшегося положения, в ненависти *можно потерять равновесие, упасть и сломаться* [Там же, с. 208].

Герой оказывается в ситуации нравственного выбора. Судьба сталкивает его с убийцей Марины, и у Максимова появляется случай расправиться с ним, имея физическое преимущество над соперником. В последний момент, услышав вскрик Виталия, его *детское хлюпанье носом* [Там же, с. 229], увидев его *молящие о пощаде глаза* [Там же, с. 230], Дмитрий делает выбор не в пользу насилия и жестокости, жалеет своего врага. Максимов понимает, что победить в схватке со злом можно только вопреки всем обстоятельствам, только противопоставив ему высоту человеческого духа. Он находит в себе духовные силы и не повторяет ошибок своих «литературных предшественников» Александра Ушакова («Непротивление»), Олега Рыжова («Переворот (93-й год)»), Андрея Демидова («Бермудский треугольник»), сделавших мщенье смыслом своей жизни и трагически погибших.

Способность Дмитрия Максимова к жертвенной любви, самоотречение, жалость к врагу наделяют его образ огромной нравственной силой и ставят в один ряд с Княжкой и Никитиным из романа «Берег». Конечно, Максимов не дорастает до жертвенного подвига, совершенного героями «Берега». В финале произведения его духовное выздоровление только начинается, но его поступок может расцениваться как несомненная нравственная победа. Попав в полосу духовно-нравственного противостояния, главный герой романа «Без милосердия» сумел выстоять и сделать правильный выбор, прислушиваясь к гласу Божьему в человеке – зову своей совести. Несмотря на кажущееся безмерным одиночество, Максимов не одинок: у него есть тетьа, друзья, способные поддержать в трудную минуту, и главное – искренняя вера в бессмертие души Марины, вера в то, что произойдет *встреча с ней в других милосердных мирах, в другой счастливой жизни* [Там же, с. 232]. Герой понимает, что *еще ничего не кончено* [Там же, с. 235], но он не чувствует себя побежденным, ибо, как писал философ И.А. Ильин, «победил не тот, который временно, физически одолел <...> победил тот, кто противостоял соблазну, не соблазняясь, противостоял страху, не устрашась, <...> победа, еще не наступившая во внешнем порядке вещей, уже состоялась и обеспечена в духовном основополагании человека; и ему остается словом и делом утвердиться на этой основе» [4, т. 9–10, с. 285–286].

Итак, образ драматурга Максимова занимает особое место в системе литературной

характерологии Ю.В. Бондарева. В романе «Без милосердия» автор не подводит итоги своего творческого пути, его значимость в том, что это первое современное произведение писателя, в котором Ю.В. Бондарев на примере нравственных исканий главного героя намечает пути преодоления духовного кризиса, поразившего российское общество на рубеже XX – XXI вв. и приведшего к трагедии многих лучших представителей русской интеллигенции.

Литература

1. Бондарев Ю.В. Без милосердия. М., 2004.
2. Гаврилов В.А. Позиция автора в романе Ю. Бондарева «Без милосердия» // Вопр. языка и литературы в современных исследованиях. М., 2011.
3. Елкин А. Реализм, убивающий правду // Комс. правда. 1958. 25 июня.
4. Ильин И.А. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1993–1999.
5. Лотман Ю.М. Заметки о художественном пространстве // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1986. Вып. 720.
6. Панков А. Долгий путь познания // Знамя. 1984. №3.
7. Шкурат Л.С. Воспитательное значение литературы о Великой Отечественной войне (на материале романа Ю.В. Бондарева «Горячий снег») // Литература в школе. 2010. №5.
8. Шкурат Л.С. Любовно-семейные коллизии в романе Ю.В. Бондарева «Берег» // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2014. №2(87).

* * *

1. Bondarev Yu.V. Bez miloserdiya. M., 2004.
2. Gavrillov V.A. Pozitsiya avtora v romane Yu. Bondareva «Bez miloserdiya» // Vopr. yazyika i literatury v sovremennyih issledovaniyah. M., 2011.
3. Elkin A. Realizm, ubivayuschiy pravdu // Koms. pravda. 1958. 25 iyunya.
4. Ilin I.A. Sbranie sochineniy : v 10 t. M., 1993–1999.
5. Lotman Yu.M. Zаметки o hudozhestvennom prostranstve // Uchen. zap. Tart. gos. un-ta. 1986. Vyip. 720.
6. Pankov A. Dolgiy put poznaniya // Znamya. 1984. №3.
7. Shkurat L.S. Vospitatelnoe znachenie literatury o Velikoy Otechestvennoy voyne (na materiale romana Yu.V. Bondareva «Goryachiy снег») // Literatura v shkole. 2010. №5.
8. Shkurat L.S. Lyubovno-semeynyie kollizii v romane Yu.V. Bondareva «Bereg» // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. 2014. №2(87).

Image of the main character of the novel “Without Mercy” in the context of the literature characterology of Y.V. Bondarev

There is analyzed the novel by Y.V. Bondarev “Without Mercy” in the aspect of the issue of moral choice typical for the writer’s prose. There is emphasized the spiritual evolution of the novel’s main character, whose moral search are typical for Bondarev’s literature characterology.

Key words: *prose by Y.V. Bondarev, novel “Without Mercy”, literature context, characterology, spiritual search, moral choice.*

(Статья поступила в редакцию 3.04.2014)

Н.Е. РЯБЦЕВА, Н.Е. ТРОПКИНА
(Волгоград)

ВИЗУАЛЬНАЯ АППЕРЦЕПЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

В рамках антропологической модели пространства возраста на примере творчества А. Тарковского и И. Лиснянской рассматривается динамика визуальной апперцепции картины мира в русской поэзии второй половины XX в.

Ключевые слова: *топос, антропологическое пространство, апперцепция, визуальное восприятие.*

Исследование различных типов апперцепции пространственных образов в литературе – одна из актуальных научных задач, связанных с изучением антропологического пространства. «Систематизация и классификация пространственных моделей и образов, непосредственно относящихся к антропологическому типу, может основываться на различных признаках: гендерные (мы можем обнаружить типы пространства мужского и женского), возрастные – пространство детства, зрелости, старости; пространства особых состояний» [8, с. 33]. Возможности апперцепции пространства могут быть обусловлены возрастными признаками. Наиболее полные возможности восприятия мира – акустические, визуальные, осязательные, обонятельные – характерны для